

САКРАЛЬНЫЙ СМЫСЛ СИМВОЛОВ ВЛАСТИ И АТТРИБУТОВ ГЕРАЛЬДИКИ КАЗАХОВ

Мамбетова А.

Автор қазақ геральдикасының нышандық мағынысын анықтауда қазақ қоғамының саяси-әлеуметтік тарихының ерекше маңызын ескере отырып, дәстүрлі қоғамдағы билік институтының құрылымын талдайды. Геральдикада қазақ мемлекеттілігінің бастауы мен жаңа дәуірдегі тарихының басты белгісі ретінде мөрлердің семиотикалық мазмұны мен көркемдік ерекшеліктерін ашып көрсеткен.

The author, considering special value at revealing of sacral symbolics of products of heraldry of sociopolitical history of the Kazakh society, considers structure of institute of the power in a traditional society.

In heraldry the particular interest represents the semiotics maintenance of the seals which concern subjects of jeweller art, and are the main sign symbol of traditional Kazakh statehood of an epoch of its formation and development during new time.

Произведения казахской геральдики тесно связаны с историей социально-политического устройства традиционного общества. Для выявления их сакральных символов, на наш взгляд необходимо рассмотреть историко-культурный контекст рождения родовой геральдики казахов, поскольку управление осуществлялось по генеалогическому принципу иерархии и тесно связано с феноменом власти у кочевников.

В эпоху Позднего Средневековья в структуре казахского общества четко обозначились три исторически сложившиеся этнотерриториальные объединения кочевников - Старший (Улы), Средний (Орта) и Младший (Киши) жузы. На уровне этносоциальной структуры в каждом из трех жузов этот принцип реализовался в форме иерархии социальных статусов. «В этой связи важнейшим критерием статусно-правового ранжирования разных социальных объединений кочевников выступали исторически сложившиеся понятия «старших» и «младших» родов и племен. К категории старших племен относились родственные кланы казахов, имевшие по народным представлениям, самого удревленного и знатного предка. В реальной социальной практике таковыми, как правило, являлись наиболее многочисленные, сильные и влиятельные в политическом смысле группировки кочевников»[1].

Структура власти в казахском номадном обществе строилась в виде генеалогической иерархии составлявших его родов и племен. «Старшие», т.е. сильные, племена и роды выступали здесь в роли ядра казахских социально-

территориальных объединений. Рядом с ними интегрировались менее сильные или «младшие» племена и роды. На этой основе складывались крупные потестарно-политические образования кочевников - ханства. Для традиционного типа социальности казахов-кочевников характерными чертами являлись, обязательная принадлежность любого индивида к определенной социальной группе, вне которой он не имел возможности физически существовать, материально обеспечивать себя и воспроизводить себе подобных; неразвитость горизонтальных связей между локально-территориальными общинами; феномен общинно-группового менталитета, т.е. естественно сложившийся способ рефлексивной самоидентификации каждого отдельного индивида посредством апелляции к идеалам, ценностям и мировоззренческим представлениям своего сословия или клана, которые он полностью ассоциировал с собственным «эго»[1].

Посредством генеалогического принципа ранжирования степной сословной элиты и разграничения правовых статусов между знатью «белой» и «черной костей» ограничивалась сфера межкланового соперничества кочевников. В этой системе властных отношений, внутри социума и обеспечивался необходимое согласие групповых интересов и ценностей составлявших его структурных частей.

«Эпоха функционирования традиционной степной элиты, условно называемая иногда «степной демократией». Она охватывает период Позднего Средневековья (с середины XV в.) и начало Нового времени (до 20-х гг. XIXв.), хотя истоки формирования многих системообразующих компонентов данной модели властного доминирования восходят к гораздо более ранним этапам многовековой истории евразийского кочевничества. В казахском кочевом обществе процессы рекрутирования правящей элиты и критерии ее идентификации во многом базировались на генеалогическом принципе ранжирования разных социальных групп, опиравшихся на традиционные представления номадов о праве первородства и старшинства»[1]. Этот принцип организации общества был связан с особенностями исторического опыта адаптации кочевников к экстремальным природным условиям обширной зоны степей, полупустынь и пустынь Внутренней Евразии. А также связанной с ними традицией вертикального способа передачи необходимых практических знаний и собственности.

Знания о природных ресурсах среды обитания и конкретных способах адаптации накапливались на протяжении веков и носили строго ограниченный, эзотерический характер, распространяясь только в кругу близких родственников по патрилинейным каналам связей от поколения к поколению как «знание для своих». Этот сложившийся тип циркулирования информации и имущества обеспечивал определяющее место в структуре социальных связей казахского общества системе генеалогического родства, выполнявшей определенную социально-регулирующую функцию[4].

«Вместе с тем ввиду естественно возникавшей у номадов потребности в постоянном ограничении круга потенциальных претендентов на те или иные статусные роли в системе политического управления, генеалогический

критерий родства и старшинства тесно взаимодействовал в социальной практике инкорпорации индивидов во властные структуры общества с принципом меритократии, согласно которому ханом, султанами и старшинами, как правило, избирались наиболее авторитетные и влиятельные среди казахов личности, особо проявившие себя в военной, судебной и социально-регулятивной сферах общественно-полезной деятельности»[1]. На основе приведенных принципов, в Казахской степи сложился (сер. II тыс.) своеобразный демократический механизм рекрутирования правящей элиты, который наглядно проявился в многовековой традиции публичных выборов ханов, султанов и старшин - родоправителей.

Тем не менее, социальная востребованность личных качеств харизматического лидера не являлась в кочевом обществе постоянной величиной. В экстремальных условиях социально-политической жизни казахов-кочевников, общественный интерес к выборам возрастал в периоды назревания конфликта интересов в отношениях между крупными патронимическими общинами, либо же при значительном усилении внешней опасности, а при относительно стабильном состоянии социума по существу сводились к минимуму. Процесс народных выборов хана в традиционном казахском обществе охватывал в разное время неодинаковое количество прямых участников. Он происходил в зависимости от характера сложившейся конкретно-исторической обстановки в степи, как на локально-групповом, так и макросоциальном уровнях [1].

В период большой социальной напряженности внутри Степи и на границах кочевого мира ханские выборы проводились преимущественно сложным многоступенчатым путем через инициативу выдвижения различными группировками казахов своих собственных кандидатов на ханский престол. На основе проведенных консенсусных мероприятий определялся один бесспорно лидирующий претендент, получивший решающую поддержку снизу, а затем все главные участники избирательного процесса принимали коллегиальное решение о возведении этого победителя в ранг хана. Таким путем приходили к власти в Казахской степи самые авторитетные и сильные ханы[1].

Как пишет И.В. Ерофеева, завершающим актом степного избирательного марафона являлся традиционный обряд публичных выборов хана, который совершался на многолюдном собрании наследственной кочевой знати и почетных представителей различных родов и племен трех жузов посредством ритуального поднятия народного избранника на белой *кошме*. Только после совершения этого сакрализованного ритуала высший титул и соответствовавшие ему властные полномочия нового хана обретали полную легитимность в общественном сознании казахского населения[1]. В целом же вся традиционная потестарно-политическая система казахов-кочевников, основывавшаяся на принципах меритократии и генеалогического родства, отличалась известным демократизмом, наличием обратной связи между властью и обществом и большой консервативной

устойчивостью во времени, а сами механизмы рекрутирования правящей элиты имели вполне открытый и подконтрольный социуму характер.

Самостоятельной сферой ювелирного искусства казахского народа является такой атрибут государственной символики, как печать. В отличие от других знаков государственной символики, таких как герб и флаг, также являющихся культурно-историческими памятниками, воспроизводящими и отражающими культурно-историческое своеобразие государства, печать относится к предметам декоративного искусства.

Семиотическая сущность геральдического изображения дала основание ученым рассматривать его как иконический знак[3]. В использовании изображения заложено несколько возможностей. Одна из возможностей функционирования изображения кроется в его способности обладать неким жестко зафиксированным культурным значением, благодаря которому оно становится носителем обобщенного понятия и соотносится уже не с изображаемым, а обозначаемым. К ним относятся геральдические изображения предметов и любые иные символы и аллегории.

Высокий семиотический статус печати обусловлен ее знаковой природой и глубокой семантикой формы. История развития декора в плане эволюции форм при сохранении символики образов, отраженных в печати, позволяет выявить специфику печати как предмета ювелирного искусства. Сравнительно-исторический анализ печати как предмета ювелирного искусства в русской геральдике и казахской сфрагистике позволяет обозначить такую область исследования, как типология содержания и формы печати.

Изучение типологических сходжений в русском и казахском ювелирном искусстве мотивирует обозначение основных типологических явлений в историко-функциональном аспекте. Иными словами, сравнительно-типологический анализ, осуществленный в аспекте семиотики печати, позволяет выявить обусловленность формы содержанием. Историко-функциональный аспект требует экскурса в историю вопроса.

Исследователи русской геральдики отмечают древнее происхождение печатей, употреблявшихся «в подкрепление воли лица, дающего акт или вообще делающего какое-нибудь распоряжение» и принимавшихся за «необходимую принадлежность известного лица»[5]. Драгоценность перстней определялась не только богатством украшений, но и изображенными на них фигурами, эмблемой события. Исследователи отмечают, что от народов восточных печати перешли к грекам и римлянам, а от сих последних к германским племенам средних веков[5].

Форма печатей была чрезвычайно разнообразной. Изображения на печатях не были наследственными, однако, значение их в обществе было так велико, что лица, владевшие печатью, озаботились о надписи на ней или, если она была двухсторонняя, об изображении символа или эмблемы, лицу

присвоенной и состоявшей или в фигуре или в молитве. Печать могла содержать девизы в форме наставлений и правил. Исследователи русской геральдики традиционно классифицируют печати по принципам: по веществу (металлические, восковые, воскомастичные, на дегте или на смоле, сургучные); по роду и виду (печати великого князя и младшей его братии, городов, духовенства, должностных лиц и приказов, прочих классов народонаселения)[5].

Аспектами семиотического анализа явились следующие уровни: удостоверительная природа знака, социальная маркированность владельца, социальная престижность, художественная ценность, имущественная и сословная принадлежность. Предметом анализа в разделе данного исследования являются результаты изучения казахской сфрагистики.

Главным знаковым символом традиционной казахской государственности эпохи ее становления и развития в новое время были прикладные металлические печати казахских ханов и султанов. Вовлеченные в последние годы в научный оборот тюркоязычных подлинников исторических документов, заверенных оттисками ханских и султанских печатей со знаками арабского письма на их фоне позволяют выявить роль сфрагистики не только как важного источника по политической истории дореволюционного Казахстана, но и как ценного памятника декоративного искусства казахов.

Вопросы, касающиеся истории происхождения ханских и султанских печатей, их внешнего вида, способов изготовления, отраженной в них конкретно-исторической информации, основных функций во внутри- и внешнеполитической деятельности казахских правителей, декоративно-художественного значения и особенностей эволюции в процессе присоединения казахских жузов к Российской империи составили объект исследования И.В. Ерофеевой «Символы казахской государственности. Позднее средневековье и новое время». Труд представляет освещение данных проблем в историологическом аспекте. Книга написана на основе оригинальных исторических источников XVIII-середины XIX веков.

Возможность анализа эволюции ювелирного искусства казахского народа в контексте эволюции стиля, влияния на него историко-культурных реалий и философского их осмысления представляют актуальность для автора настоящей работы. Прикладные печати казахских ханов и султанов выполняли роль так называемых удостоверительных знаков, то есть употреблялись казахскими правителями для заверения различных актов документов внутреннего пользования и международных договоров. Соответственно на протяжении почти четырех веков они были главным внешним атрибутом степной власти.

Персональные печати изготавливались в основном в виде крупных серебряных перстней с изящным декором, на наружной поверхности которых

нарезались полные имена владельцев печатей и их титулованных отцов. История становления и эволюции персональных печатей является контекстом, позволяющим воссоздать особенности их исполнения и своеобразии отраженных в них форм номадического сознания.

Исследователь Ерофеева И.В. обращает внимание на следующий факт. Многочисленные упоминания о личных именных печатях казахских ханов и султанов XVII-XVIII веков и первые переводы тюркоязычных надписей появились в русских официальных документах еще в 1694-1750 годах. Почти столетие спустя были опубликованы первые образцы перстневых печатей родственными казахским джучидам, которые принадлежали представителям казанской и крымской ветвей «золотого рода» Чингис-хана.

В советскую эпоху и первые десять постсоветских лет не изменили ситуации в сфрагистике. Был осуществлен уточненный перевод двух-трех легенд, опубликованы факсимиле нескольких оригинальных документов с плохо воспроизведенными на них чернильными оттисками изображений и двух отпечатков ханских печатей, факсимиле отдельных печатных образцов туркестанских кожа¹ и кокандских правителей Южного Казахстана XIX века из мавзолея Ходжи Ахмеда Яссави в городе Туркестане.

В отдельных трудах российских исследователей - источниковедов были сделаны ценные замечания о сходстве форм перстневых печатей средневековых правителей-джучидов Поволжья и Крыма и каплевидных (миндалевидных) печатей казахских ханов XVIII века, а также отмечено использование последними «копченого» способа тиснения печатных изображений на белом листе[1].

Время зарождения персональных печатей казахских правителей-чингизидов исследователи относят к эпохе окончательного распада улуса Джучи и образования нескольких самостоятельных кочевых ханств. Одним из наиболее ярких образцов прикладных печатей, в Великом Монгольском государстве является круглая печать великого монгольского хана Гуюка (1246-1248), письмо которого к римскому папе Иннокентию IV доставил Плано Карпини в 1247 году. В эпоху распада улуса Джучи в период IV- IX веков в качестве удостоверительных знаков имели хождение большие квадратные тамги, а позднее - наряду с ними перстневые печати меньшей величины.

С начала XVI века правителями-джучидами Поволжья и Крыма в качестве персональных удостоверительных знаков стали применяться перстневые печати каплевидной (миндалевидной) формы. Они стали использоваться параллельно с большими и малыми тамгами квадратной формы синего и красного цветов («кок тамга», «ал тамга»)². Для всех

¹ Духовный сан, присваиваемый мусульманам, совершившим паломничество в Мекку.

² Установлено дореволюционными востоковедами В.В. Вельяминова-Зерновой, В.В. Григорьевой. Х. Фаизханова, советским историком М.А. Усмановой.

оттисков характерна единая миндалевидная, точнее, каплевидная форма, почти стандартные размеры (1,9 -2,0 см в длину и 1,7-1,8 см в диаметре), черный цвет, однородный характер удостоверительных надписей на щитке изображения, состоящих из имени и титулов владельца печати и его отца, а также гербового знака династии Гиреев - трезубца.

Печати казахских правителей изготавливались из металла, так называемой «восточной бронзы» («хафт-джуш»), что означает «сплав из семи металлов»: олова, серебра, меди, сурьмы и др. На металле нарезались зеркальное изображение надписи и орнаментальные знаки. Металлические печати каплевидной формы надевались на большой палец правой или левой руки, производились отечественными мастерами на территории Казахстана и в соседних среднеазиатских ханствах. Со второй половины XVIII века они стали создаваться большей частью в сопредельных регионах России.

Печати изготавливались большей частью из серебра, реже - золота. Чрезвычайно редко - из камня. Декоративные элементы матрицы делают печати произведениями искусства. Золотые печати употреблялись казахскими ханами по прямому назначению чрезвычайно редко или не использовались совсем. В основном это были почетные дары царского правительства.

Принадлежность к атрибутике власти обусловила семиотическую сущность печати. Форма печати заключала в себе знаки отличия. Так, титулованные выходцы из торе (чингизидов) имели обычно каплевидную форму, черный фон украшался мелкими ободками, изящными розетками, обводился тонкими линиями. Влиятельные казахские старшины, избравшиеся из непривилегированных слоев (бии, батыры, кожа), пользовались печатями овальной, круглой, квадратной и ли прямоугольной формы. Для них характерны простота исполнения слов, отсутствие выраженных художественных достоинств в оформлении общего фона.

Высокий семиотический статус печати обусловлен знаком принадлежности обладателя к определенному слою общества, имеющему право участвовать в решении политических и правовых вопросов. Семиотика печати мотивирована возможностью для иностранных купцов быть оберегаемым, защищенными в случае обладания перстневыми печатями наиболее влиятельных ханов. Надписи на печатях являются необходимым компонентом и по представлениям сакральной эстетики выражают первообраз не меньший, чем изображение.

Заключение

Сакральная символика произведений геральдики тесно связана с феноменом власти у кочевников.

В геральдике особый интерес представляет семиотическое содержание печатей, которые относятся к предметам ювелирного искусства, и являются

главным знаковым символом традиционной казахской государственности эпохи ее становления и развития в новое время.

Печать, как символ власти и атрибут геральдики отражает следующие уровни «знаковости»: удостоверительная природа знака, социальная маркированность владельца, социальная престижность, художественная ценность, имущественная и сословная принадлежность.

Литература:

1. Ерофеева И.В. Символы казахской государственности. Позднее средневековье и новое время / И. В. Ерофеева. – Алматы: Рауан, 2001. - 152 с.
2. Каган М.С. Введение в историю мировой культуры. В 2 т. Т.1.Историографический очерк, проблемы современной методологии. Закономерности культурогенеза, этапы развития культуры традиционного типа – от первобытности к Возрождению / М.С.Каган. – СПб.: ООО «Издательство «Петрополис»», 2000. – 367 с. – Библиогр.: - С. 355 – 367.
3. Каган М.С. Искусствознание и художественная критика / М. С. Каган. - СПб.: Петрополис, 2001. - 528 с. – Библиогр. Работ авт. 1990-1998гг.: - С. 522-528.
4. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности номадного общества) / Н.Э. Масанов. - Алматы-Москва, 1995. - 318 с.
5. Лакиер А.Б. Русская геральдика / А. Б. Лакиер. - М.: Книга, 1990. - 432 с.